

УДК 32.019.52

А.Л. Зверев

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО МАССОВОГО СОЗНАНИЯ ГРАЖДАН РОССИИ

Анализируются процессы изменения в общественных настроениях граждан страны, произошедшие в последние годы, актуализировавшие протестный тренд в массовом сознании, характерный для российского общества в 2012 г.

Ключевые слова: политическая психология, массовое сознание, протестные общественные настроения.

События, происходившие на протяжении всего 2012 г. после выборов депутатов Государственной думы РФ VI созыва и Президента РФ, связанные с активизацией протестных настроений в современном российском обществе, вновь поставили вопрос о политическом восприятии деятельности российской власти. Одни полагают, что власть хоть и не до конца, но в целом справляется с возложенными на нее задачами по поддержанию стабильности и порядка в стране, и они очень боятся, что проходившие в течение 2012 г. акции массового протеста по поводу несправедливых итогов выборов в Госдуму РФ и Президента РФ, на взгляд вышедших на улицу людей, могут привести к хаосу в обществе.

Другие, напротив, недовольны тем, что мир отечественной политики вошел в атмосферу полного штиля с непонятным для многих курсом движения, который создает, конечно, стабильные рамки существования политической системы, но ими понимается как погружение в застой и затвердевание сложившейся композиции политических акторов в бетонный монолит с отсутствием каких-либо надежд на перспективы изменения и появления новых трендов в современной российской политике.

Сам сегмент данных общественных настроений в российском массовом сознании характерен для жителей крупных мегаполисов, всегда отличавшихся некоторой оппозиционностью взглядов по отношению к действиям властей в силу своего высокого социального и образовательного статуса и широкого доступа к различным источникам информации.

Специфика подобного типа политической социализации жителей крупных мегаполисов приводит к тому, что получаемая ими информация из различных источников, прежде всего провластных («Первый канал», «Россия 1», «НТВ»), подвергается сомнению и даже в сознании «переворачивается» и присваивается прямо противоположный смысл услышанного и увиденного, мобилизуя критический потенциал ранее усвоенных в ходе политической социализации оппозиционных установок. Одновременно существующие интернет-коммуникации данными гражданами страны, напротив, воспринимаются как коммуникативная площадка для свободного выражения их оппозиционных взглядов, которые в силу закрытости доступа к официальным традиционным источникам средств массовой коммуникации становятся альтер-

нативой для формирования и поддержания существующей в их массовом сознании реальности восприятия текущего российского политического бытования.

Канализирование в протестную форму имеющихся массовых настроений участников данных социальных сетей на виртуальных коммуникативных площадках российского сегмента Интернета сумело перетечь в митинговую активность, которая охватила многие крупные города страны под лозунгом «За честные выборы!».

Кроме того, мобилизации протестных настроений активных пользователей Рунета помогли многочисленные сообщения в Интернете о нарушениях избирательными комиссиями в процедуре подсчета голосов на выборах в Госдуму РФ, и потому они полагали, что победившая на тех выборах партия «Единая Россия» смогла выиграть выборы только благодаря произведенным фальсификациям с голосами избирателей.

При этом провозглашенный протестный лозунг «За честные выборы!» не был по вкладываемому в него содержанию чисто политическим, он в большей мере выражал желание жителей мегаполисов в честном и справедливом выявлении воли большинства избирателей, независимо от того, какие политические партии или кандидаты в итоге сумеют выиграть выборы.

Поскольку сами по себе выдвинутые требования «честных выборов» не дают какой-либо политической партии преимуществ в политической игре, где главный приз – вход во власть, то подобные представления граждан трудно отнести к числу чисто политических.

Стоит также особо отметить, что наиболее ярко выраженные протестные настроения в сегодняшней России свойственны учащейся молодежи, прежде всего студентам. И здесь для понимания характера подобных настроений важно знать психологический настрой этой части молодежи к существующей политической элите. Дело в том, что в силу своего малого возраста и вследствие того, что осознанная политическая социализация пришлась у них на годы правления тандема В. Путина и Д. Медведева, у многих из них появилось ощущение того, что данный тандем при их осознанной жизни существовал всегда и ничего иного, кроме как сложившихся при тандеме политических реалий, они больше никогда не узнают, потому они и испытывают страх, что всю свою сознательную жизнь у них будет только данный политический режим и ничего иного в своей жизни они не узнают. Потому особо остро они переживают возвращение В. Путина на пост президента, которое они воспринимают как потерю надежды на какое-то обновление в сложившихся политических реалиях современной России.

В массовом сознании данной части общества перестановка в тандеме была воспринята как попытка затвердить сформировавшуюся композицию политических реалий страны, для которых характерен клановый патронно-клиентилистский порядок отношений, когда доступ к властным полномочиям имеет узко ограниченный круг людей. Мобилизация протеста против такого политического устройства в современной России как раз и выразил манифестируемый лозунг радикально настроенной оппозиции: «Мы здесь власть!», в который «рассерженные горожане» вкладывают смысл, что власть принадлежит народу, а значит, они и есть вся власть.

В этой связи было бы любопытно посмотреть на политико-психологический портрет протестно настроенных групп граждан, проявивших свою активность на улицах столицы зимой – весной 2011–2012 гг. Всех участников протестной волны условно можно поделить на следующие категории: учащаяся молодежь, представители творческой интеллигенции (прежде всего, писатели, музыканты, журналисты и т.д.), участники групп радикального протеста (типа националистов или левых радикальных группировок), «продвинутые» пенсионеры (в их число, прежде всего, входят представители старшего поколения, уже успевшие разочароваться в курсе В. Путина и Д. Медведева), а также те, кто борется против не совсем справедливого политического мироустройства современной России.

Как видим, участники протеста представляют различные поколенческие группы современного российского общества. Более того, и на противоположном провластном фланге также присутствуют и молодежные прокремлевские общественные организации, и национально-патриотические силы, входящие в созданный перед выборами Президента РФ Общероссийский национальный фронт в поддержку В.В. Путина, да и многие пенсионеры выражают поддержку политике нынешней власти, стремящейся поддержать этот сегмент общества путем постоянной индексации пенсий, тем самым сдерживая инфляционный «удар» по ним.

В итоге трансформация современного массового сознания россиян обретает своеобразные формы амбивалентного выражения. С одной стороны, мы уже не можем говорить о наличии «расколотого» типа российского массового сознания [1], характерного для 1990-х – начала 2000-х годов, когда данный скол шел по поколенческим слоям, выражавшийся в том, что молодежь примерно до 25 лет, получившая опыт сознательной (вторичной) политической социализации в перестроечный и постсоветский период развития страны, стала ориентироваться на демократические ценности западного типа, молодежь от 25 лет и среднее поколение воспринимали реформы 1990-х годов в зависимости от успешности адаптации к ним, выразившейся даже в делении тогдашнего российского общества на «новых русских» (сумевших успешно адаптироваться в годы реформ, но их было существенное меньшинство) и «старых русских» (не сумевших найти себе достойное место в новых условиях жизни и быстро маргинализировавшихся, их было большинство), и старшее поколение, не принявшее новый уклад жизни российского общества и ностальгировавшее по советскому прошлому, отдавав предпочтение КПРФ как правопреемнице КПСС. Сегодня мы видим другую картину в преломлении массового сознания современного российского общества, в котором уже нет такого яркого поколенческого противостояния имеющихся у граждан политических представлений, и с таких позиций можно согласиться с тезисом М.К. Горшкова, директора Института социологии Российской академии наук, о том, что современное российское массовое сознание не является вопреки многим экспертным оценкам расколотым [2].

Таким образом, события последнего года определили новый тренд в трансформации массового сознания россиян, когда политика как сфера актуальных жизненных интересов граждан стала разделять до этого близко общающихся людей и разрывать их привычные социальные связи, что может

вызывать некоторую тревогу по достижению какого-либо консенсуса в общественной жизни страны и сползанию к вектору «войны всех против всех», приводящей к постоянному внутрисоциумному конфликту не разделяемых ими ценностей, а к конфликту ситуативных оценок происходящих политических событий.

В таком контексте важно понимание мотивации участия несогласных в продолжающейся широкой волне митингов, идущей по всей стране, которая символически ими выражается и актуализируется в скандируемых протестующими лозунгах. Так, учащаяся молодежь с воодушевлением участвует в митингах и позитивно настроена по отношению к тому, что она подобным образом приобрела публичную площадку для выражения собственного протеста установившимся политическим реалиям, которые не отвечают их внутренним запросам на развитие вперед и мешают им в проектировании своего жизненного пути в сложившейся ситуации их социального развития. Многие представители учащейся молодежи полагают, что выходя на митинги, они становятся частью общества, которое «делает историю» в попытке поменять курс развития страны, как им кажется, в русло наиболее благоприятного для современной России, за что в будущем они могут надеяться на благодарность от последующих за ними поколений россиян. Подобный романтизм был характерен и для перестроечной молодежи 1980-х годов, которая тогда выходила на улицы под лозунгом известной группы В. Цоя «Кино» «Мы ждем перемен!» Кстати и для части нового поколения протестующей молодежи как сам В. Цой, так и его призыв к переменам стали символами митинговой активности. К тому же часто участвующая в митингах молодежь воспринимает их как тусовку единомышленников, напоминающую им недавнюю подростковую пору. Подтверждением такого социального инфантилизма является широко распространенная именно среди протестующей молодежи атрибутика их «социального бунта», также более характерного для психологии подросткового возраста (транспаранты, шарик, белые ленты, значки и т.п.), дополненная наличием установки на продолжение протеста как возможности продлить тусовку с теми, кто разделяет похожие взгляды. Скандирование же лозунгов: «Едро в Ведро» и «Россия без Путина» в большей мере напоминает бунт выросшего подростка против властного отца.

Представители творческой интеллигенции на проходивших митингах в большей мере были из среднего поколения протестующих (35–50 лет). Они, как и сложилось в традиции русской истории, старались демонстрировать собственную отчужденность от организованных групп на митингах, отстраненность от поддержки общих реакций протеста масс, ограничиваясь скандированием лозунгов: «За честные выборы!», «За референдум!», «Верните наши голоса!», выразивших в большей мере западные ценности личностных свобод, чем традиционные для русского массового сознания искания «кто виноват?» в сложившихся обстоятельствах и «что теперь делать?» Тем самым эта часть выразившей протест интеллигенции продемонстрировала свою ориентацию на более передовые, чем у всех остальных групп участников митингов, цели движения российского общества по пути к народному демократическому представительству, которое, по сути, является лишь формой легитимации избранной власти, но никак не ее содержанием, так как ничего кон-

кретного, что должна была сделать избранная честным путем власть, чтобы оправдать надежды избравшего ее общества, предложено интеллигенцией не было.

Участники групп радикального протеста составили промежуточную возрастную когорту между молодежью и поколением среднего возраста. В основном активный протест выражали люди 20–35 лет, имевшие высокий уровень вовлеченности в происходящее, особо они себя проявили в событиях на Болотной площади в мае 2012 г. Последовавшие позднее аресты показали, что в эту группу входили как студенты старших курсов престижных вузов столицы (МГУ, РГГУ и т.д.), так и уже состоявшиеся в социальном плане люди – бизнесмены и не сумевшие себя найти в современных условиях мегаполиса безработные, входящие в националистические, анархистские и даже в фанатские группировки, выражающие свой протест в радикально окрашенных формах. Для участников таких групп протестующих характерно наличие установок на продолжение протеста, особенно в свете того, что их единомышленники уже пострадали «за веру», а значит, они постепенно превращаются в массовом сознании этих групп в символы протестной борьбы против существующего строя. Сегодня мы наблюдаем, как идет процесс символизации борцов с существующим российским политическим режимом, наделяющим их статусом мученика, яркий пример – группа «Pussy Riot», выразившая свой радикальный протест против выдвижения В. Путина на третий президентский срок панк-молебном в храме Христа Спасителя. Для радикально настроенных оппозиционеров участницы панк-группы «Pussy Riot» стали символом их борьбы против ненавистного им режима, который они сумели распространить на широкую мировую общественность и даже часть зарубежной политической элиты, ставших воспринимать участниц этой панк-группы как символ нового нарождающегося гражданского общества России, не готового терпеть узурпацию власти существующей политической элитой. Поэтому для групп радикального протеста характерны проявление неконвенциональных форм поведения на митингах и поддержка лозунгов: «Долой Путина!» и «Долой партию жуликов и воров!».

«Продвинутые» пенсионеры преимущественно представляют возрастную когорту 60–65 лет, которые уже успели разочароваться в политическом курсе правящего тандема. Большинство из тех, кто входит в данную группу протестующих, уже имеют опыт участия в митингах, а некоторые выражали свой протест еще в годы перестройки и даже имели собственные диссидентские взгляды в годы своей молодости. Другая часть, выходящая на митинги из этой группы протестующих, была чем-то обижена нынешней властью или столкнулась с несправедливостью в решении их бытовых проблем. Форма выражения протеста «продвинутыми» пенсионерами наглядна и характеризуется наличием атрибутов протеста (флаги, самодельные плакаты и т.д.). При этом они показывают высокую степень вовлеченности в ряды митингующих, так как для них межличностное общение на митинге, показывающее их значимость для остальных возрастных когортных групп в процессе разъяснения собственной позиции по обсуждаемой на митингах повестке дня, является очень важным в процессе собственного самоутверждения нужности тем, кто пришел выразить свой протест происходящим событиям в стране. Потому

они имеют установки на продолжение протеста и активно поддерживают тех, кто делает призыв: «Долой Путина!» и «Долой партию жуликов и воров!», тем самым, показывая собственную сопричастность к событиям, которые могут, как им кажется, изменить существующий вектор развития современной России к лучшему для будущих поколений.

Наконец, те, кто борется против не совсем справедливого политического мироустройства современной России, составляют преимущественно возрастную когорту 45–60 лет, не раз сталкиваясь с несправедливостью в своей жизни, потому их основной мотив – месть существующей власти за незаслуженные, как им кажется, ущемления их прав и свобод. Подобный в большей мере эмоциональный настрой заставляет их искать таких же, как и они сами, «обиженных властью», и потому они показывают высокую степень вовлеченности в межличностное общение на митинге, полагая, что все те, кто пришел на митинги, тоже в разной степени столкнулись с имеющейся в российском обществе несправедливостью со стороны властей. В связи с этим они имеют установку на продолжение протеста и даже готовы к отдельным неконвенциональным формам политического протеста с целью добиться справедливости от властей любой ценой. Потому именно они в лозунгах на митингах выражают наиболее радикальный протест: «Путина на пенсию», «Вор должен сидеть в тюрьме» и т.д.

Таким образом, мы наблюдаем интересную картину. Если для начального постсоветского массового сознания был характерен мозаичный тип сознания из смеси коммунистических, неолиберальных и национал-патриотических взглядов общества на будущее развитие страны, который расслаивался в основном по поколенческим сколам, когда молодое поколение ориентировалось больше на западные неолиберальные ценности личностных свобод и прав граждан, старшее поколение видело возврат к стабильному своему существованию в обращении к опыту советского коммунистического прошлого, а среднее поколение раздваивалась на тех, кто смог адаптироваться к условиям постсоветской жизни в России, разделяя при этом скорее западные ценности, поспособствовавшие улучшению их жизни, и тех, кто приспособиться не мог и все чаще обращался к национал-патриотическим взглядам, то теперь сегментирование массового сознания россиян идет не по поколениям, а потому «за» или «против» существующей политической власти независимо от того, к какой социальной группе они принадлежат. Иначе говоря, в каждом из поколений идет процесс расслоения на тех, кто хочет и жаждет перемен, и тех, кто в беспокойной обстановке в мире хочет стабильного своего существования, которое связывается с деятельностью сегодняшней российской власти. Хотя при этом молодое поколение россиян все же более оппозиционно настроено по отношению к действующей власти, особенно в мегаполисах страны, а старшее поколение более провластно. Еще одной особенностью нынешней протестной активности является то, что происходит наложение социализирующих волн российских политических поколений друг на друга. Дело в том, что сегодня подросло поколение тех, чьи родители были ядром протестного движения против КПСС в годы перестройки, и именно они закладывали фундамент политических представлений той молодежи, которая уже сегодня выходит на митинги против действующей власти. При этом можно наблюдать и

еще одно интересное явление – старшее поколение протестующих еще в годы своей молодости было оппозиционно настроено по отношению к власти, так как их политическая социализация пришлась на годы оттепели в СССР. В итоге мы сегодня наблюдаем наслоение трех оппозиционно социализирующих волн, связанных с событиями нынешней протестной волны, протеста перестройки и протеста «детей Арбата», и если в среднем взращиваемое родителями поколение насчитывает 20 лет, то не случайным окажется, что пики протестной митинговой активности в нашей стране повторяются с периодичностью примерно в 20 лет: 1960-е годы – годы «оттепели», перестроечные 1980-е – начало 1990-х годов и начало 10-х годов XXI в.

Между тем нынешний скол поляризации имеющихся политических представлений в российском массовом сознании идет и по линии: жители столиц – остальная Россия, в которой события, происходящие в г. Москве, воспринимаются как то, что сытые москвичи, которые получили свое благополучие за время правления тандема В. Путина и Д. Медведева, сейчас хотят получить еще чего-то большего, при этом и так все имея. А провинция по-прежнему живет в качестве Золушки, обеспечивающей своим трудом зажиточную жизнь москвичам. Потому уже сейчас в политической реальности многих россиян существует как бы две России: столичная и та, что за МКАД. Первая воспринимается второй как очаг хаоса и нестабильности и несет для многих жителей провинции чувство тревоги, что дальнейшая митинговая активность оппозиции может угрожать существованию страны, тогда как в сознании первой вторая оценивается как провинциальная и отсталая, которая не дает продвинутой России двигаться вперед. Подобный антагонизм становится основой происходящих трансформаций в современном массовом сознании граждан постсоветской России.

Подводя некоторые итоги проанализированного процесса трансформации современного массового сознания граждан России путинского периода правления, можно выделить следующие позиции.

Во-первых, несмотря на все усилия со стороны правящей элиты по выработке сильной вертикали власти в начале 2000-х годов, направленной на искоренение региональных «суверенитетов», характерных для ельцинского периода постсоветской России, не удалось сформировать представление граждан о едином понимании образа страны, в которой они живут. Произошедшие за последний год события вновь актуализировали в массовом сознании россиян идентификационную дихотомию: «Москва» – «регионы России», правда, в чуть измененном содержательном формате, нежели чем она была в 1990-е годы. Для того периода формат идентификационной дихотомии представлялся в русле актуализации самой региональной идентичности, которая была более значимой для жителей регионов, чем национально-государственная идентичность гражданина России. Сейчас же в массовом сознании процесс самоидентификации по маркеру национально-государственной идентичности более важен как для жителей столичных мегаполисов, так и для жителей регионов России, но при этом они по-разному понимают, в каком российском государстве они живут. Жители столичных мегаполисов, выходящие на митинги, в силу лучшей адаптации к произошедшим в стране за последние два десятилетия трансформациям и возмож-

ности часто посещать западные страны, имеющие высокий уровень комфортной жизни, связывающийся с демократическими ценностями в западном его понимании, стремятся к тому, чтобы и Россия шла по этому пути. Поэтому в диалоге с властями, выходя на митинги, они и требуют, чтобы власть считалась с их правами так, как они сами понимают, как их права должны учитываться при принятии властью решений, полагая, что именно в этом и заключается суть западного понимания демократии. Жители же большинства российских регионов в основном трудно адаптируются к новым постсоветским условиям своего существования, и потому для них главным является сохранение стабильных рамок своего существования, а идеалом служит тот образ жизни, который был у них в советские годы. Потому они выступают за сильного властного лидера, который, может, и не вернет «прежнюю» жизнь (по модели СССР), но, по крайней мере, не допустит, чтобы стало хуже. И такие свои ожидания они соотносят с фигурой В.В. Путина и готовы защищать его режим даже силой (по выражению нынешнего полпреда Президента РФ в УФО И.Р. Холманских, до этого работавшего на Уралвагонзаводе, предложившего президенту помощь рабочих его завода во время массовых митингов оппозиции в Москве зимой 2011/12 года) от тех, кто хочет, чтобы современная Россия шла по западному пути развития, ориентируясь на сопутствующие этому пути интересы, а не на ее собственные национальные интересы. Таким образом, в отличие от 1990-х годов, когда противостояние «Москва» – «регионы» можно было объяснить распадом единого, прежде всего, территориального пространства страны и всех сопутствующих этому центробежных процессов, сейчас это противоречие в российском массовом сознании базируется на ценностном уровне конфликта о будущем пути развития России: столичными жителями понимаемом как развитие в цивилизации западной демократии, а большинством жителей регионов – как самостоятельный путь развития российского государства, способного достичь уровня СССР, успешно противостоящего «тлетворному» влиянию Запада.

Во-вторых, сам процесс трансформации современного российского массового сознания носит амбивалентный характер. С одной стороны, нет яркого поколенческого противостояния в имеющихся политических представлениях граждан России по поводу идущих политических процессов в нашей стране, характерных для российского массового сознания 1990-х годов, с другой стороны, события 2012 г., связанные с актуализацией протестных настроений в общественном мнении, показали, что раскол пошел внутри самих поколений граждан в зависимости от того, «за» или «против» они существующей российской власти. Это формирует представление о том, что массовое сознание современных российских граждан, на первый взгляд, достаточно консолидировано, что выражалось в безусловной поддержке политического курса В.В. Путина периода первых двух сроков его правления, но события последнего года показали переход ранее ярко проявлявшихся противоречий в российском общественном мнении в латентные внутренние сколы, когда в рамках одних и тех же поколений противоречивые взгляды стали проявляться не на уровне групповых коммуникаций, а на уровне межличностном, когда различия в оценках политической действительности стали приводить к вражде между ранее считавшимися друг другу друзьями, коллегами по работе, чле-

нами семьи. И такой тренд вызывает тревогу за существование консенсуса в общественном мнении граждан страны по наиболее важным для современной России вопросам общественно-политического развития.

В-третьих, дифференцирующим основанием российского массового сознания для выработки разнонаправленных политических представлений граждан является их доступ к информационным источникам. Жители регионов в основном имеют доступ к провластным источникам массовой информации, прежде всего телевидению как каналу массового распространения («Первый канал», «Россия 1», «НТВ»), транслирующему позитивный образ российской власти, способствующий мобилизации этой части населения страны на выборы в поддержку существующей власти в ее противостоянии с оппозицией. Жители мегаполисов, имеющие доступ к более разветвленной сети массовой информации, прежде всего Интернету, имеют зачастую противоположный взгляд на формируемый провластными каналами телевидения образ власти и часто придают прямо противоположное значение той информации, которую они получают из центральных каналов телевидения. В этом смысле Интернет воспринимается многими столичными жителями как коммуникативная площадка для свободного выражения их оппозиционных взглядов, которые в силу закрытости доступа к официальным традиционным источникам средств массовой коммуникации формируют и поддерживают альтернативные в их массовом сознании политические представления. Находя «отдушину» в данной сформированной ими политической реальности, они объединяются в социальные сети в виртуальном пространстве Интернета, который, по сути, напоминает сегодня феномен диссидентских разговоров «на кухне» советского периода, служащего местом, в котором канализируются протестные и оппозиционные настроения современного российского общества. Иными словами, современный Рунет становится каналом альтернативного взгляда общества на власть, являясь, по сути, местом, где несогласные с курсом властей имеют возможность «выпустить пар» и мобилизовать единомышленников на локальные акции протеста несогласия с принимаемыми политическими решениями российской власти.

Литература

1. *Образы власти в постсоветской России: политико-психологический анализ* / Под ред. Е.Б. Шестопаля. М.: Алетейа, 2004.
2. *Горшков М.К.* Российское общество как оно есть: опыт социологической диагностики. М.: Новый хронограф, 2011.